

Литвина А. Ф.,
Успенский Ф. Б.

**ЗНАТНАЯ ВДОВА
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ И НА РУСИ:
МАТРИМОНИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ И ЛЕГЕНДЫ ВЛАСТИ***

Не вызывает сомнения, что в Средние века связи, возникающие благодаря бракам представителей двух разных народов, а тем более — между членами правящих династий, имели огромное политическое и культурное значение. Зачастую мы склонны даже переоценивать сугубо формально-прагматическую сторону подобных союзов, рассматривая их исключительно как некое прикладное средство, инструмент, используемый для скорейшего достижения конкретных политических целей.

Между тем, для носителя родового сознания — а таковыми в значительной степени оставались как средневековые правители Северной и Восточной Европы, так и их подданные — брак являлся одним из главных средств освоения внешнего мира вообще. *Кровное родство*, будучи одной из важнейших категорий как в повседневном обиходе, так и в государственной стратегии, обладало одной очевидной особенностью — оно не могло быть предметом сознательного выбора, оставаясь предзаданным началом в жизненном пути всякого человека. *Свойство* же, родство по браку, как раз несло в себе возможность выбора, выбора тем более значимого, что в следующих поколениях оно превращалось в то самое *кровное родство*, которое в глазах средневекового человека столь явно предопределяет судьбу наследников и потомков.

Правила и обычаи, детерминирующие подходящий или неподходящий для будущего свойства круг лиц, состояли из множества компонентов. Их комбинация (хотя на первый взгляд это может показаться неожиданным) даже в средневековой Европе, а не только в более архаических традициях, является важным параметром этнокультурного своеобразия. Так, Скандинавия и Русь, весьма близкие друг другу в том, что касается семейно-родового и династического обихода, именно в этой сфере различаются довольно

* В этой работе использованы результаты проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 году.

ЗНАТНАЯ ВДОВА В СКАНДИНАВИИ И НА РУСИ

кардинально. Характерно, в частности, что даже соблюдение такой, казалось бы, универсальной нормы как ограничение на браки между близкими свойственниками, устроено здесь в XI — XIII вв. по-разному. Традиционно принято полагать, что западная церковь к тому времени проявляла несколько бóльшую терпимость относительно таких браков, нежели церковь восточная, что одновременная женитьба отца и его взрослого сына, например, на некоей вдове и ее родной дочери или союз двух родных братьев с двумя родными сестрами оказывались делом более приемлемым на Западе, чем на Востоке.

В действительности, дело, разумеется, обстоит куда сложнее. Подобного рода браки в интересующую нас эпоху в целом были запретны как в восточной, так и в западной части христианской ойкумены, а различалось от страны к стране, скорее, отношение к заключению таких союзов знатью или правителями государств. В средневековой Скандинавии, по-видимому, проявлялась заметно бóльшая толерантность, например, к женитьбе двух братьев на двух сестрах, явлению немислимому в том, что касается княжеских браков, заключаемых на Руси.

В целом, не будет преувеличением сказать, что при всей огромной весомости отношений свойствá в обоих регионах в XI — XII вв. в русской традиции преобладало, скорее, *дифференцирующее* понимание данной категории, тогда как на скандинавском полуострове доминировало восприятие *интегрирующее*. Эти перспективы, интегрирующая и дифференцирующая, могут проявляться на самых различных уровнях существования культуры, будь то уровень собственно языковой, мифопоэтической, уровень повседневного обихода или политической стратегии. Поясним, что мы имеем в виду.

Скандинавская традиция в XI — XII вв. располагала, например, неким набором специализированных именований, позволяющих обозначить конкретную форму *родства через брак*. Однако на всем пространстве письменных текстов, а, по-видимому, и в пространстве жизненном, для обозначения любого свойственника (будь то муж дочери, брат или отец жены) чаще всего используется собирательный термин *mágr* (мн. ч. — *mágar*) 'свойственник вообще'¹. Можно сказать, что отчасти он коррелирует с

¹ См. подробнее: Успенский Ф. Б. Категория свойствá (*mágsemð*) в древнескандинавской модели родовых отношений: К постановке проблемы // Слово в перспективе литературной эволюции: К 100-летию М.И. Стеблин-Каменского / Отв. ред. О.А. Смирницкая; Сост. О.А. Смирницкая, Ф.Б. Успенский. М., 2004. С. 130–159; *Uspenskij F. The Category of Affinity (Mágsemð) in the*

термином *frændi* (мн. ч. — *frændr*) ‘кровный родич’, существенно при этом, что категория *кровного родства* остается в традиции куда более членимой и конкретизируемой.

Напротив, для домонгольской Руси — при существовании целого ряда активно употребляемых терминов, обозначающих конкретные формы отношений *свойства* («своякъ», «шуринъ», «тьсть» и т. д.) — в целом затруднительно выделить какое-либо обобщающее слово, указывающее на свойственника как такового. Своеобразным кандидатом на эту роль мог бы считаться термин «свать», но и он попросту несопоставим с термином *mágr* ни с точки зрения частотности употребления, ни по функциональному диапазону, ни по степени отвлеченности от вполне конкретного характера связи между людьми. Так, сватами и по отношению друг к другу могут быть поименованы в первую очередь старшие родичи мужа и жены, гораздо реже — люди одного с ними поколения и никогда — те, кто хотя бы на одно поколение их младше. Иначе говоря, сваты это те, под чьей опекой супруги состояли на момент свадьбы, чаще всего — их отцы. Сватом может быть назван и дядя жениха по отношению к отцу невесты или двоюродный брат невесты по отношению к отцу будущего мужа, в особенности если этот двоюродный брат существенно старше своей кузины по возрасту. Однако племянник жены, например, никогда не обозначается таким термином, по отношению к кому бы то ни было из кровной родни ее мужа в текстах, описывающих домонгольское время.

Весьма существенно, кроме того, что в древнескандинавской традиции термином *mágr*, наряду со всеми прочими, может обозначаться совершенно особый тип отношений, который хотя и входит в церковно-канонический перечень отношений, приобретаемых благодаря браку, в других традиционных культурах обыкновенно не объединяется лексически с другими типами *свойства*. Речь идет о том, что в средневековой Скандинавии *mágr*’ами могут именоваться, в частности, отчим и пасынок, причем, судя по всему, такой способ номинации является довольно древним, во всяком случае, мы находим его у скальдов, а также в сагах и законодательных текстах.

Существенно при этом, что в соответствующих контекстах речь идет о симметричной связи между двумя взрослыми людьми, пасынком и отчимом, связи, аналогичной, например, той, что существуют между мужем женщины и ее братом. Коль скоро

ЗНАТНАЯ ВДОВА В СКАНДИНАВИИ И НА РУСИ

речь шла о лицах, приобретших благодаря браку связь с каким-либо из правящих домов Скандинавии, то для них термин *mágr* мог приобретать характер почти титула или, во всяком случае, закрепляться в виде их личного прозвища — *konungs-mágr* 'свойственник конунга', причем так могли звать как человека, вступившего в брак с дочерью правителя, так и того, кто стал мужем его вдовствующей матери.

Последнее для нас особенно существенно, ибо с точки зрения властной стратегии женитьба на вдове недавно правившего государя была чрезвычайно мощным и политически эффективным ходом, к которому в Скандинавии прибегали чрезвычайно охотно. В XII в. Северная Европа была насквозь пронизана системой династического *свойства* и *родства*, причем механизмы, по которым эти связи создавались, давно уже не ограничивались элементарной схемой, когда правитель одного государства попросту выдает свою дочь за прямого наследника или обладателя престола другого государства. В области матримониальных отношений сформировалось множество «дополнительных» средств, закрепляющих связь между родами и обеспечивающих легитимность или стабильность в передаче власти.

Несмотря на явный «андроцентризм» традиции престолонаследия, возможности, которыми располагала вдова того или иного властителя, выходящая замуж вторично, приобрели особую смысловую нагрузку. Сами по себе повторные браки были на скандинавском полуострове обычной и достаточно давней практикой. Можно вспомнить, например, что едва ли не самые прославленные конунги Норвегии, Олав Святой и Харальд Суровый, были единоутробными братьями: их мать Аста сперва была женой конунга Харальда Гренландца (отца Олава), а затем — конунга Сигурда Свиньи (отца Харальда Сурового). В этом отношении своеобразным лидером XII столетия можно назвать, пожалуй, вдову норвежского короля Харальда Гилли, Ингирид, внучку правителя Швеции, Инги Старого. Она, помимо брака с этим конунгом, по крайней мере, дважды побывала замужем (за Оттаром Кумжей и за Арни из Стодрейма), но при этом имела детей с еще двумя мужчинами: со знатым норвежцем, Иваром Прутом, и родственником датских и шведских королей Хейнреком Хромым (о законности двух последних союзов источники умалчивают).

Существенно, разумеется, что речь шла не об индивидуальном выборе этих и других женщин — в той среде, где они жили, все эти матримониальные акции находили немедленное и многоступенчатое применение. Как упоминалось выше, прозвище *konungs-mágr* считалось вполне почетным, все дети от таких браков, зачас-

тую раскиданные по разным краям Скандинавии, были связаны некими узами взаимопомощи и поддержки, которые становились особенно заметны и значимы, когда кому-то из них удавалось за-получить в свои руки власть над страной. Царственные вдовы нередко оказывались посредницами между кровной родней своих многочисленных мужей и, в свою очередь, могли способствовать заключению новых матримониальных союзов между целым сонмом отдаленных свойственников и собственными родичами.

Очень интересна в этой связи фигура Маргреты Фридкуллы, дочери Инги Старого. Выйдя замуж за конунга Норвегии Магнуса Голоногого, она обзавелась несколькими пасынками. Одним из них был внебрачный сын Магнуса, Сигурд Крестоносец. Сравнительно быстро овдовев, Маргрета вновь выходит замуж — на этот раз за датского короля Нильса, и бóльшая часть ее жизни и династических интересов отныне связана именно с Данией. Она активно занимается устройством матримониальных дел своих новых свойственников, в частности, женит племянника Нильса, Кнута Лаварда, на своей собственной родной племяннице, дочери Христины и Мстислава Великого Ингибьёрг. Однако и о потомстве своего прежнего мужа королева не забывает. Так, по-видимому, именно она устроила брак Сигурда Крестоносца и еще одной своей племянницы, Маль(м)фрид, родной сестры Ингибьёрг Мстиславны. Именно эта Маль(м)фрид, овдовев уже после смерти своей тетки, выходит замуж за Эрика Незабвенного, единокровного брата мужа своей сестры. Брак этот, разумеется, был явным нарушением канонического запрета на матримониальные союзы с близкими свойственниками, но, по-видимому, был весьма необходим Эрику, борвшемуся (и вполне успешно) за датский престол.

С другой стороны, скандинавские конунги охотно прибегали к практике брака с царственной вдовой и за пределами полуострова, коль скоро их интересы распространялись на ту или иную территорию — достаточно вспомнить хотя бы знаменитую женитьбу датчанина Кнута Могучего на вдове английского короля Этельреда Нерешительного, произошедшую, когда Кнут овладел Англией.

Для нас, однако, более существенно, что на самом скандинавском полуострове постоянно создавались обширные кланы свойственников и одним из важных факторов их формирования оказывались повторные браки знатных женщин королевской и некоролевской крови. Все взрослые участники подобной структуры были связаны между собой обязательствами взаимопомощи. То обстоятельство, что к ним куда более регулярно применяется обобщающий термин *mágr*, нежели уточняющее указание на форму свойства между ними, лишний раз подчеркивает обширность и

ЗНАТНАЯ ВДОВА В СКАНДИНАВИИ И НА РУСИ

известную однородность таких союзов по свойству. Мужья двух сестер, сводные (неродные по крови) братья, пасынок и отчим, все, чье свойство между собой достаточно близко, должны были, согласно традиционным представлениям, в полной мере актуальным для XI — начала XIII в., поддерживать друг друга как в повседневной жизни, так и в различных военно-политических предприятиях. Различия возможных типов свойства в подобной системе не нивелируются полностью, но явно имеют второстепенное значение. Не так важно, в сущности, заданы ли эти отношения для кого-либо из действующих лиц браком его матери или его собственными матримониальными действиями, строятся ли они по *вертикальной* модели (тесть ↔ зять) или по модели *горизонтальной* (зять ↔ шурина) — все свойственники чуть ли не на равных правах оказываются втянутыми в союзническую партию.

Своеобразие же русской ситуации отнюдь не сводится к тому, что здесь куда охотнее употребляются конкретные термины для различных форм свойства и практически не существует термина собирательного, обобщающего. Прежде всего, бросается в глаза то обстоятельство, что на Руси в княжеской среде существовало по крайней мере одно, чрезвычайно *жесткое ограничение*, которое мы не находим в ту эпоху ни в Скандинавии, ни в Западной Европе, ни в Византии. В русских летописях, относящихся к домонгольскому времени, нет ни одного свидетельства, согласно которому русский князь-христианин взял в жены вдову другого русского князя, и это при том, что если самому князю случалось овдоветь, то он, как правило, вступал во второй брак, а иногда, по видимому, и в третий. В то же время, если русскую княжну выдавали замуж за иностранца, ничто не мешало ей, после смерти первого мужа, вступить в брак вторично. Достаточно вспомнить все ту же Маль(м)фрид, дочь Мстислава Великого, первый муж которой был конунгом Норвегии, а второй — правителем Дании. Ее старшей родственнице Анне Ярославне в XI в. не помешало вступить во второй брак ни то обстоятельство, что ее новый избранник в свое время противостоял ее покойному мужу, ни тот факт, что он был женат. Более того, бывали случаи, довольно, впрочем, редкие, когда русские правители женились на вдовах, но тогда это были вдовы династий других стран — именно таков, судя по всему, был брак Володаря Глебовича с Рикицей, вдовой Магнуса Нильссона.

Иными словами, домонгольская матримониальная стратегия Рюриковичей была такова, что относительно вторых браков допускались самые разные комбинации, за исключением одной, с которой мы начали, — русскому князю *нельзя* было жениться на той, кто уже побывала русской княгиней, не важно, при-

надлежала ли она по рождению к династии, правящей на Руси, или нет (да и вообще княжеской вдове в этой стране, судя по всему, следовало воздержаться от повторного замужества).

Дабы оценить нетривиальность данного ограничения, необходимо напомнить, какую огромную роль к XII веку стали играть браки внутри династии. Род разрастался на глазах, все его ветви в той или иной степени обладали некими правами на власть. Объединение властных привилегий двух родовых линий путем матримониального союза оказывалось делом весьма выгодным и потому регулярным. Создается впечатление, что как только позволяют церковные каноны (а иногда и с небольшими погрешностями против них) подобные союзы заключаются незамедлительно. При всем том вдова князя, даже князя киевского, отнюдь не становится ценным призом, ни средством передвижения в этих брачных гонках. Если бы такие ограничения касались только урожденных княжон Рюриковен, можно было бы допустить, что для них порой трудно подобрать жениха, который не приходился слишком близким кровным родственником ни ей, ни ее покойному мужу. Однако запрет объяснялся не только и не столько этим. Это особенно очевидно в тех случаях, когда овдовевшая княгиня была иностранкой или новгородкой и была связана с Рюриковичами не по крови, а по браку.

В самом деле, чисто теоретически можно было бы вообразить, что, например, Изяслав Мстиславич, выдавая замуж в Венгрию свою единокровную сестру Евфросинию, заодно устроил бы и судьбу своей мачехи, дочери новгородского посадника Дмитрия Завидича, отдав ее за одного из русских князей, в чьей поддержке он был заинтересован. В свое время весьма эффектно выглядело бы и замужество молодой вдовы самого Изяслава, приведенной «из Обез», с кем-нибудь из сыновей его троюродных или четвероюродных братьев. Однако в действительности ничего подобного никогда не происходило — ни для кого из таких вдов не находилось пары из числа русских князей, хотя их дочери, например, располагали всеми преимуществами своего происхождения и могли выходить замуж за Рюриковичей, если те приходились им достаточно отдаленными родственниками.

Как мы уже упоминали, подобной дискриминации вдов не существовало в принципе не только в Северной Европе, но и в других частях восточного и западного христианского мира. В самом деле, более благочестивым для христианки считалось, разумеется, сохранять безбрачие после смерти мужа, на ее матримониальные возможности накладывались известные ограничения, однако ни о каком запрете на повторный брак как таковой речи в эту пору не шло. Семиотика такого действия охватывает довольно широкий

ЗНАТНАЯ ВДОВА В СКАНДИНАВИИ И НА РУСИ

спектр возможностей — от дополнительной легитимизации права на трон до небольшого повышения статуса в иерархии знати.

Здесь можно говорить не только о модели скандинавской, но и, например, о модели византийской. В Византии женитьба на вдове кого-либо из предшествующих императоров издревле служила мощнейшим средством легитимизации собственных прав на престол. Особые выгоды, конечно же, предоставляла женитьба на такой вдове, в чьих жилах текла кровь византийских государей. Достаточно упомянуть Зою, дочь Константина VIII, которая в XI в. побывала замужем за тремя императорами — Романом Аргиром, Михаилом Пафлагоном и Константином Мономахом. Уместно вспомнить в этой связи и о женитьбах на вдовах ближайших родственников, которые византийские хронисты приписывали болгарским претендентам на престол в первые десятилетия XIII века. Династические браки с вдовами были обычным и вполне распространенным явлением в ту эпоху и на территории Германии или Франции.

Однако что же делало столь выигрышную практику невозможной для русских правителей домонгольского времени?

По крайней мере, в XII в., когда род Рюриковичей в достаточной мере разросся, этот запрет уже нельзя выводить из одних только канонических ограничений. Нельзя, пожалуй, сводить дело и к таким простым биологическим факторам, как возможные возрастные несоответствия женихов и невест — хорошо известно, что и на северо-западе, и на востоке христианского мира рамки брачного возраста для царственной вдовы были весьма и весьма растяжимыми. Так, в 80-е гг. XII в. София, русская княжна по отцу, пробыв около трех десятков лет замужем за королем Дании Вальдемаром Великим и имея от него взрослых детей, после его смерти выходит замуж вторично — за ландграфа Тюрингии, племянника германского императора.

Если говорить о домонгольской эпохе, то летопись сохранила для нас ровно один случай, когда вдова князя Владимира Давыдовича (по женской линии приходившаяся внучкой Владимиру Мономаху) предприняла побег, чтобы выйти замуж вторично. Характерным образом, однако, это был брак отнюдь не с русским князем, но с половецким ханом Башкордом. Именно с этим эпизодом закономерно связан единственный за весь этот период случай, когда рядом с именем юного княжича в летописи появляется слово «отчим» — так характеризуется хан Башкорд по отношению к сыну своей русской жены и князя Владимира Давыдовича². «Отчим»

² Полное собрание русских летописей [далее — ПСРЛ]. СПб./Пг./Л.; М., 1841 — 2004. Т. 1—43. Т. II. Стлб. 500—501.

Башкорд в данной ситуации действует приблизительно в том же ключе, что и его скандинавские соседи в аналогичной ситуации — помогает в борьбе за престол военной силой не только своему па- сынку, но и деверю своей русской жены, отстаивая династические интересы её *свойственников*.

Тем не менее, подчеркнем еще раз, что такого рода отношения (как и женитьба на вдовах иностранных династов) ни в малой степени не типичны для русских князей и отнюдь не складываются ни в последовательную практику, ни тем более в систему. С вдовами же Рюриковичей русские князья не вступали в брак никогда.

Как кажется, чтобы понять природу интересующей нас ситуации, следует обратиться к тому единственному случаю, когда Рюрикович, правда, еще не принявший крещения, взял в жены вдову своего предшественника на престоле, другого Рюриковича. Речь идет об истории рождения Святополка, когда Владимир, будучи язычником, убил своего старшего брата Ярополка и «залѣже жену братьню Грѣкиню»³. Происхождение Святополка Окаянного, обвиняемого в убийстве своих братьев, оказалось одной из самых актуальных тем как для древнерусской книжности, так и для современных исследований. Здесь, однако, мы хотели бы обратить внимание лишь на одну особую интертекстуальную линию, в которую встраивается высказывание летописца о том, что он «бѣ бо ѿ двою ѿцю ѿ Ярополка и ѿ Володимира».

Самое это высказывание, если понимать его буквально, выглядит несколько загадочным и заставляет искать в нем некоторое дополнительное, подразумеваемое значение. В самом деле, составитель «Повести временных лет» как бы нагнетает различные признаки изначальной «окаянности» Святополка: он говорит о том, что его мать была прежде монахиней, что он был «прелюбодѣчищъ», поскольку Владимир вступил с ней в связь «не по браку», что отец не любил его, но из всего этого не становится яснее, почему, собственно, у Святополка имелся не один отец, а два.

³ ПСРЛ. Т. II. Стлб. 66; Т. I. Стлб. 78. Ср. также «Сказание о святых мучениках Борисе и Глебе»: «Сего <Святополка. — А.Л., Ф.У.> матери прежде бѣ чърницею, грѣкыни сущи, и поять ю бѣ Яропѣлкѣ, братъ Володимирѣ, и ростриг ю красоты дѣля лица ея, и зача отъ нея сего Святопѣлка оканьянаго. Володимирѣ же, поганѣи еще, убивъ Яропѣлка и поять жену его, непраздну сущю, отъ нея же родися сий окаянный Святопѣлкѣ. И бысть отъ дѣвою отцю и брату сущю, тѣмъ же и не любляше его Володимирѣ, аки не отъ себе ему сущю» (Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Пригот. к печати Д. И. Абрамович, Пг., 1916. (Памятники древнерусской литературы 2.) С. 27–28; ср. с. 82, 99, 179).

ЗНАТНАЯ ВДОВА В СКАНДИНАВИИ И НА РУСИ

Нам представляется, что в интересующем нас выражении в очередной раз проявилось отношение русской книжной традиции к Владимиру как к человеку, принадлежащему двум эпохам — дохристианской и христианской. Как известно, в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона, а отчасти и в летописной похвале Владимиру, принявшему крещение, из «Повести временных лет», включение Руси в мировую христианскую историю осуществляется, в частности, за счет своего рода приравнивания времен язычества к тому этапу священной истории, который предшествует явлению Благодати, т. е. к эпохе Закона. При таком видении поступки Владимира до крещения могут трактоваться как подпадающие под действие Закона, но в таком случае с того момента, как он принимает крещение, их смысл и последствия воспринимаются отчасти как подлежащие отмене, а отчасти — как своеобразная помеха, несомненный предвестник будущих раздоров и противоречий.

В двух ранних образцах собственно русской гомилетики, в «Слове» Илариона и «Послании» митрополита Климента Смолятича, довольно подробно обсуждается тема смены брачных установлений, то, что необходимо и правильно в этой сфере в эпоху Закона, становится неприемлемым и недопустимым с наступлением Благодати. Одним из главных установлений такого рода оказываются так называемые *левиратные* браки, когда брат непременно должен жениться на вдове своего умершего брата, причем ребенок от такого союза считается отпрыском умершего. В христианской богословской традиции сюжет о левиратном браке это устойчивый тоpos, который привлекался для объяснения противоречий в генеалогии Христа. Слушателям растолковывалось, каким образом один и тот же предок Иисуса мог быть включен сразу в две патрилинейные схемы, принадлежа к одной благодаря биологическому отцовству, а к другой — благодаря ветхозаветной юридической норме.

При такой трактовке Владимир, взяв в жены вдову старшего брата, «въстави плема братѣ своемѣ»⁴, и Святополк тем самым оказывается действительно сыном двух отцов: «естеством» он племя Владимира, «по закону же» — Ярополка. Дальнейшая интерпретация событий в подобном ключе подразумевает, что с принятием крещения Святополк как бы утрачивает свои права на принадлежность к старшей ветви рода. При этом летописец стремится подчеркнуть, что его следует считать недостойным и каких-либо новых прав, связанных с отцовством Владимира.

⁴ Никольский Н. [К.]. О литературных трудах митрополита Клима Смолятича, писателя XII века, СПб., 1892. С. 113; ср.: Послание митрополита Климента к смоленскому пресвитеру Фоме: Неизданный памятник литературы XII в. / Сообщение Х. Лопарева, СПб., 1892. С. 20.

Условно говоря, женитьба на вдове оказывается недопустимой для князя, по меньшей мере, по трем причинам, причем все они имеют отношение к «прецеденту Владимира». Первая из них, лежащая на поверхности, является, на наш взгляд, наиболее поздней и наименее действенной, она связана с тем, что именно от такого брака появился на свет Святополк Окаянный. Две другие же, хотя и кажутся взаимоисключающими, могут быть равно актуальны в силу их происхождения из библейского текста. В самом деле, женитьба на вдове брата предписана ветхому человеку, но не подобает христианину. С другой стороны, если отвлечься от противопоставления Закона и Благодати, то тексты из библейской истории утверждают, что ребенок, рожденный от брака с вдовой брата, являются по закону отпрыском и наследниками умершего.

В такой перспективе весьма значимо, что с точки зрения преемственности власти все русские князья Рюриковичи одного поколения (а иногда и представители двух смежных поколений), будучи прямыми потомками Владимира Святого по мужской линии, метафорически и при этом почти буквально и весьма осязаемо числили себя братьями. Идея братства служила едва ли не главным центром устойчивости и равновесия в сложной, подвижной, постоянно претерпевающей разрушение и регенерацию системе родового владения и управления в домонгольской Руси. Очевидно, что на подобном фоне — коль скоро тема левиратного брака хотя бы однажды приобрела актуальность в толкованиях Библии, доступных русским книжникам, а тем более была приложена к истории династии — за ней без труда закрепился ярлык негативности и недопустимости. Естественным образом, эта табуированность наиболее наглядно проступает с конца XI в., т. е. в ту эпоху, когда все больше княжеских браков совершается «дома», внутри самой династии или с представительницами новгородских знатных семей.

Итак, на наш взгляд, запрет жениться на вдовах своих родичей, пусть даже самых дальних, обязан своим существованием особой династической легенде Рюриковичей. Как кажется, благодаря этой легенде «гиперчувствительность» ко всему, что может напоминать левиратный брак, распространяется практически на любое вторичное замужество княгини, коль скоро она побывала замужем за русским князем. Для надежности ей лучше не выходить более замуж ни за кого на Руси, включая, по-видимому, знатных новгородцев.

Здесь, разумеется, нельзя обойти вниманием формирование летописного образа княгини Ольги, которая по преданию отказывается от повторного замужества и будучи язычницей, и сделавшись христианкой, причем второй эпизод, когда она «переключо-

ЗНАТНАЯ ВДОВА В СКАНДИНАВИИ И НА РУСИ

ка[ла]» византийского императора, не греша особой достоверностью, обслуживает сразу несколько явных и неявных просветительских надобностей, например, объясняет канонический запрет на брак крестницы и крестного и в очередной раз проводит идею нежелательности замужества овдовевшей княгини.

Таким образом, интересующая нас легенда о вдовах и преемственности власти не является ни сугубо родовой, ни исключительно книжной, скорее, она демонстрирует, почему в странах поздней христианизации могут оказаться востребованными и актуальными достаточно изощренные и неожиданные контрверзы христианской традиции, если они удачным образом ложатся на местный династический уклад, и какую нормативную мощь, в свою очередь, подобные легенды приобретали в дальнейшей жизни этого правящего рода, делая невозможным и недопустимым то, к чему охотно прибегали в других странах.

Весьма любопытно, что на Руси этот неписанный запрет вполне сопоставим по мощности действия с запретами каноническими, если не превосходит их. Так, в летописании, повествующем о событиях домонгольского времени, мы — вопреки весьма выраженной на Руси тенденции к соблюдению канонов относительно браков между родственниками — все же спорадически обнаруживаем случаи матримониальных союзов между людьми, состоящими, например, в шестой степени родства⁵, однако не знаем ни одного упоминания о том, чтобы в эту эпоху Рюрикович женился на вдове Рюриковича.

Нетрудно определить, что означал этот запрет в перспективе устройства каких бы то ни было военно-политических союзов. Родители или другие родственники жены умершего князя были лишены возможности еще раз разыграть эту брачную карту дома и заключить с помощью повторного брака этой своей родственницы какой-либо новый альянс, ее дети не имели шанса приобрести дополнительное кровное родство с какой-либо другой ветвью Рюриковичей в своем поколении, поскольку здесь у них не могло появиться единоутробных сестер и братьев, а следовательно политической поддержки и т. д. Этот ряд несуществующих возможностей можно было бы счесть не стоящим перечисления, если бы у нас перед глазами не было модели, когда содружество царственных пасынков, отчимов и сыновей от разных браков, обладавших и не обладавших правом на престол, создавало целую вспомога-

⁵ Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Внутридинастические браки между троюродными братьями и сестрами в домонгольской Руси // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. Сентябрь 2012 г. № 3 (49). С. 45-68.

тельную сеть, функционировавшую наряду с родством по крови и традиционным свойством.

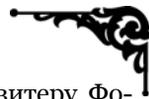
Существенно при этом, что традиционное свойство с представителями собственного рода на протяжении XII — первой половины XIII в. играет в династической жизни Рюриковичей, как уже отмечалось выше, огромную роль. Возможность сблизить и вторичным образом воссоединить две ветви разросшегося рода, заключить семейный и политический союз между старшими князьями, женами своих детей, или между тестем и зятем, когда один из них хотя бы на время брал на себя функции родного отца по отношению к младшему свойственнику, эксплуатировалась чрезвычайно активно. Однако при заключении подобных браков князья стремились соблюдать канонические запреты не только в том, что касалось браков со слишком близкими кровными родичами, но и в вопросах свойства. Дома, на Руси, две родные сестры Мстиславны никогда не могли бы оказаться женами двух братьев, во всяком случае, ни одного примера подобного рода из истории домонгольских Рюриковичей нам не известно.

Степеням и конкретным формам свойства уделялась, таким образом, весьма существенная роль при заключении княжеских браков. Одним из свидетельств столь пристального внимания может служить, по-видимому, сохранение в летописном узусе соответствующей детализирующей терминологии княжеского свойства. Долгая жизнь древних обозначений для каждого типа свойственников подкрепляется регулярной практикой подсчетов в сфере свойства, определяющих приемлемость того или иного матримониального союза с точки зрения церковных канонов.

Использованная литература.

1. *Uspenskij F.* The Category of Affinity (Mágsemð) in the Old Norse Model of Family Relations // *Arkiv för nordisk filologi.* 2007. Vol. 122. P. 157–180.
2. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Пригот. к печати Д. И. Абрамович, Пг., 1916. (Памятники древнерусской литературы 2).
3. *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Внутридинастические браки между троюродными братьями и сестрами в домонгольской Руси // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* Сентябрь 2012 г. № 3 (49). С. 45–68.
4. *Никольский Н. [К.]* О литературных трудах митрополита Клима Смолятича, писателя XII века, СПб., 1892.
5. Полное собрание русских летописей. СПб./Пг./Л.; М., 1841–2004. Т. II.
6. Полное собрание русских летописей. СПб./Пг./Л.; М., 1841–2004. Т. I.

ЗНАТНАЯ ВДОВА В СКАНДИНАВИИ И НА РУСИ

7. Послание митрополита Климента к смоленскому пресвитеру Фоме: Неизданный памятник литературы XII в. / Сообщение Х. Лопарева, СПб., 1892.
8. *Успенский Ф. Б.* Категория свойствá (mágsemd) в древнескандинавской модели родовых отношений: К постановке проблемы // Слово в перспективе литературной эволюции: К 100-летию М.И. Стеблин-Каменского / Отв. ред. О.А. Смирницкая; Сост. О.А. Смирницкая, Ф.Б. Успенский. М., 2004. С. 130–159.